

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА



ЗОЛОТАЯ СТРУНА

В ДЕРЕВНЕ

Я себя проведу до покинутой нашей деревни.
Эх, какие там люди! В ненаписанной книге прочту
Не обиду на жизнь, а хранимую душу издревле,
Боль за бедность в полях, истощение сил, нищету.

Утром мама моя не отгонит на выпас Бурёнку —
Нет бурёнок давно, поразъехались все пастухи.
Вспоминает, родная: “Везли на чужую сторонку
Нас в телячьих вагонах — платить за какие грехи?”

— Так за что же, за что, — я спрошу, как некрасовский Ваня, —
Выгоняли из дома, бросали на каторжный труд?
— Нас — за новые сени, а их вот — за новые сани.
Только батя утешил: “А люди и тут ведь живут!”

Всяко было потом, — скажет мама и тихо заплачет.
Нары, муки да тиф... да родимых голодная смерть.
Только с наших, сиротских, землёй переполненных тачек
Завертелась такая на голой степи круговерть!

КОЗЫРЕВА Екатерина Николаевна родилась в 1946 году в уральском посёлке Агаповка, в семье спецпереселенцев. Окончила МОПИ и ВЛК Литинститута (семинар Ю. П. Кузнецова). Автор восьми поэтических книг, эссе о Пушкине и публикаций в московских и региональных литературных журналах. Издатель московского альманаха “Царское село”. Лауреат Всероссийской литературной премии “Традиция”. Лауреат фестиваля-конкурса С. А. Клычкова. Член СП России. Живёт в Москве.

Мы о городе новом слагали стихи в культбараке,
Ни горячей обиды, ни зла не держали в сердцах,
Только жаль деревеньки, давно утонувшей во мраке,
Жаль, что дети и внуки всё больше живут в городах...

За деревней бегут облака, словно серые волки,
Дуют злые ветра и грызут у домишек бока.
Я уеду теперь навсегда или, может, надолго...
Словно серые волки, бегут и бегут облака.

ЧЕТЫРЕ ДОМА

Четыре дома у родителей моих
Когда-то было — нары на двоих
За ивовой перегородкой.
Воспитывала мать и малых, и больших
В семье родной лебёдушкой кроткой.
Семья отца большая: дед — “старшой”,
Как разрешили молодым переселиться —
Землянку вырыли, и это дом второй,
Там родилась и я под пологом из ситца.
Сухие холмики, река — и то Сухая.
По руку левую — щебёночный отвал,
По правую — жилища, что Шанхаем
Из ссыльных кто-то в первый раз назвал.
Так и пошло... А за Урал-рекою
Из шпал, из горбылей, известняков
Свои покои ладили изгои
Средь каменистых горок и холмов.
Отец в Агаповке на шпалах дом поставил,
Осталось сладить светлое крыльцо
Да крышу засмолить... Но снег растаял,
Урал разливом выплеснул жильцов
В наш третий дом — не дом, а конный двор...
Пилили, помню, жердевый забор,
Да как блестел ледок в следах копыт,
Он и теперь в глазах моих рябит.
Четвёртый наш — гостеприимный дом:
Всех перехожих, странников, бездомных
Он привечал любовью и теплом...
Он и мои девичьи грёзы помнит.
Как я любила солнце на полу!
Тепло простых дорожек домотканых,
Полынный запах веника в углу,
Шум тополя. И лунный свет на рамах.
Нас четверо, а мама не поймёт,
Зачем разъехались в четыре разных дома?
Всё ждёт кого-то у пустых ворот...
Теперь её печаль и мне знакома.

БРАТУ

Приедешь, поклонись далёкой
Могиле матери моей.
Скажи, что стала одинокой
Я без неё. А жизнь — бедней.

Да посади — она любила —
Цветочки голубого льна,

Чтобы весной цвела могила,
Издали была видна.

И я приеду, хоть неблизко,
К простому привезу кресту
Московский ландыш серебристый
Волжанке-маме, как мечту.

Да с корневым комком берёзу
Из леса маминой весны,
Да раскулаченные слёзы
Всех, виноватых без вины.

СТРУННАЯ ПЕСНЬ

Золотая струна о радости запоёт —
Переливается юности вешний мёд,
Родником выбивается чистый звук,
Лёгкой бабочкой вылетает из детских рук.

Берег неба — родное моё крыльцо,
Крылья Ангела овевают моё лицо,
Я не знаю, какую струну задеть,
У меня есть золото, серебро и медь.

Серебро задену слегка — там семья и дом,
Задрожит свеча над мамою и отцом...
Вы оставили детям своим не зло — добро,
Золото чистое вы моё и моё серебро.

Струнной песнью звучит литая, тяжёлая медь —
— “Аллилуйя“ готовятся в хоре церковном петь...
Помоги мне, Боже, поверить в Тебя, полюбить,
Колокольчик души притяни за незримую нить.

Берег неба — родное моё крыльцо...
Крылья Ангела овевают моё лицо.
Я не знаю, какую струну задеть,
У меня есть золото, серебро и медь.

ДОРОГА В БОЛДИНО

В октябрьской прели пряный лес.
Слетает с губ счастливый возглас:
— Ах, что за лес, ах, что за воздух!
Ах, мухомор — красивый бес!
В лесу агония огня —
Опавших листьев дух калёный.
Автобус, как большой ребёнок,
Сигналил, ждал и звал меня.
Дорога в Болдино. Поля,
Холмы, скупые перелески,
В багровом зареве земля,
И обелиски, обелиски...
Стоят торжественно и просто,
Как ель, берёза иль сосна,
Горят на обелисках звёзды...

Что ты наделала, война?
Дорога в Болдино. Бегут
Простых заборчиков подзоры
И в изумрудной ряске пруд.
Нарядных домиков уборы:
Резной кокошник над крыльцом
Не золочёным петушком
Увенчан — синим самолётом.
Хозяин, верно, был пилотом...
Деревня. Старая Купавна.
— Что в имени тебе моём? —
Читает Анна Николавна
(Вот ведь совпало как забавно!)...
Так что же в имени твоём?
Купавна? Лебедь, плавно, пава,
сирень, капель, купель, купава...
Родной язык богат, как осень,
Он из её оттенков тоже,
А синь между берёз и сосен
С высокой музыкою схожа.
Дорога в Болдино. Пусты
Поля. Пусты и деревушки.
Окрестных церковок кресты...
Две богомольные старушки
Из-под ладошек и платков
Глядят, глядят плакучим взглядом.
Да синь кладбищенских крестов
Блеснёт бесхитростным нарядом.
Дорога в Болдино. Стога
Плывут, как медленные танки,
Пылают знаки, облака,
Рябин рубиновые ранки.
И снова, снова о войне!
Струною строгою Бояна
Звучит, звучит, звучит во мне
Незаживающая рана.